

да: газета о театре, - 1991. - № 1. - С. 5. (Дом эстера)

АНЕКДОТЫ ОТ РАНЕВСКОЙ

В собрании советского анекдота есть классические циклы: армянское радио, Петя — Чапая, Штирлиц и т. д.

Театральный анекдот — особый жанр устного творчества.

Фаина Георгиевна Раневская — общепризнанный классик жанра. На репетиции ли, в телефонном ли разговоре ее шутки адресовались немногим, но затем они становились известны всем, обретали, так сказать, неофициальную гласность. Она создала свой цикл, и потому анекдоты от Раневской обрели классичность. Сегодня уже трудно определить, что в этом наследии принадлежит Раневской, а что приписывает ей молва. Анекдоты живут, их вспоминают, пересказывают. Кто знает, быть может, когда-нибудь эти шутки скажут о театре, о людях театра больше, чем иные пухлые труды, объемные диссертации.

Однажды, в тридцатые годы, подруга предупредила Раневскую:

— Если тебе предложат стать секретным сотрудником, ни в коем случае не отказывайся, — они

этого не любят. Скажи, что кричишь по ночам, тогда останутся.

Но Раневской тогда никто ничего не предлагал. Много лет спустя, уже в конце пятидесятых, ее неожиданно вызвали в партком:

— Фаина Георгиевна, вы — гордость нашего театра, и — беспартийная! Мы хотим предложить Вам вступить в партию!

— Ой, что вы, нет! Я по ночам кричу!

Актриса уезжает с мужем в заграникомандировку в Африку. Перед отъездом пришла попрощаться с Раневской.

— Фаина Георгиевна, я решила там заняться режиссурой. Хочу поставить пьесу «Миллион за улыбку» Софронова, которая идет у нас в театре.

— Да зачем вам эта гадость? Поставьте лучше «Отелло». Их там много.

Раневская решила продать свою шубу. Когда она открыла перед пришедшей покупательницей дверь шкафа, где висел «товар», оттуда вылетела здоровенная моль. Раневская проводила ее взглядом:

— Ну что, сволочь, нажралась?

— Фаина Георгиевна, какого вы мнения о режиссере Л.?

— Это уцененный Мейерхольд.

После премьеры спектакля «Дальше — тишина» Раневскую спросили, как складывались ее взаимоотношения с режиссером спектакля.

— Мы изображали любовь слонихи и воробья.

Одна из надоедливых поклонниц выпрашивает у Раневской номер ее домашнего телефона. Фаина Георгиевна изумленно смотрит на нее:

— Милая, вы что, с ума сошли? Ну откуда я знаю свой телефон? Я же сама себе никогда не звоню.

— Фаина Георгиевна, почему вы ушли из театра имени Пушкина?

— Потому что я признаю все виды любви, кроме скотоложества.

О Завадском: «Маразмист-затейник».

— Фаина Георгиевна, почему вы так часто переходили из театра в театр?

— Вы знаете, я пережила со

многими театрами, но ни с одним из них не получила удовольствия.

«Я говорила так долго и небедительно, как будто говорила о дружбе народов».

— Вы знаете, — спрашивала Раневская, — что снится Завадскому? И сама отвечала: «Ему снится, что он уже похоронен в Кремлевской стене».

В холодный осенний день подруга зашла за Раневской, чтобы идти на прогулку. Фаина Георгиевна выходит к ней навстречу с кальсонами в руках:

— Эти кальсоны мне подарил великий пролетарский писатель Максим Горький. Ты не станешь возражать, если он будет согревать меня?

У Раневской кончилось чистое постельное белье. К ней приходит подруга и видит странную картину: Фаина Георгиевна лежит на кровати, накрывшись вместо пододеяльника крахмальной скатертью. Заметив изумленные подруги, Раневская смеется:

— Это называется: Иван Иванович, вставайте! Пора накрывать на стол.

Артисты театра рассказывают Раневской, что послали поздравительную телеграмму А. Солженицыну. Раневская восхищена:

— Как вы смелые! А я испугалась и послала письмо.

Во время одной из тяжелых репетиций Ю. Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался и выбежал из зала, хлопнув дверью. Все сидят подавленные, ситуация неловкая. В тишине раздается голос Раневской:

— Друзья мои, не переживайте! Сейчас половина двенадцатого, а в это время Юрий Александрович обычно ходит в туалет.

Раневская приглашает в гости подругу:

— Приходите, я Вам покажу целый альбом портретов неизвестных народных артистов СССР.

Р. С. Открывая рубрику «От Ромула до наших дней», мы считываем на поддержку читателей, которые, быть может, пополнят портфель редакции классики жанра. Алиби гарантируется. За каждый принятый редакцией анекдот причитается неконвертируемая валюта.